

Повість

Невідимка

Ольга
Дерябина

18+

Ольга Дерябина

Невидимка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дерябина О. С.

Невидимка / О. С. Дерябина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Обычный выпускник Васька Авдеев, за свои выходки получивший прозвище «дурдом», проснулся невидимым. Он решил, что это подарок судьбы: хоть день прожить как хочется, творить что угодно и безнаказанно. Любитель безделья и веселья был на седьмом небе. Но прошёл день, второй, третий, а организм не думал «проявляться». Экстаз сменился отчаянием. Вместе с другом Максом он решил найти причину смены статуса: неизвестный вирус, проклятие или последствие очередного отрыва? По ходу поисков ответов выяснилось, что Васька не один такой. И ещё никому не удавалось вернуться в обычную жизнь.

© Дерябина О. С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Предчувствие	5
Глава 2. Свобода	9
Глава 3. Эщкере	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1. Предчувствие

Я проснулся за пять минут до будильника, что было странно. Эта дурацкая коробка цвета металл each утро пыталась доораться до меня, врубая радио и постепенно прибавляя звук. Просыпались все соседи, но не я. Я продолжал спать как убитый до истошных воплей матери, которую задолбали музыка, моя хроническая безответственность и ежедневное дежавю с подъемом. Мозг давал команду телу ретироваться от визгливых помех, и тело перемещалось в ванную, где материнские нотации глушили закрытая дверь и льющаяся вода.

Самостоятельное пробуждение до начала «музыкальной паузы» было нонсенсом. Я потёр глаза, чтобы убедиться: часы работают. Ненавистная коробка щёлкнула, и на циферблате появилась последняя цифра. Время – 6.56, почти три «шестерки». Хотя трех шестерок в часах не бывает. Это уже 7.06, когда ежедневный утренний апокалипсис в самом разгаре.

Я сел на кровати, подумав, как поступить с будильником. Отрубить его или оставить как есть – орать. Вдруг соседи не проснутся или решат, что я умер. Рот растянулся в улыбке. Первая шутка сегодняшнего дня. Да, сегодня я определенно в ударе. Проснулся сам, полный сил, как бывает, если дрыхнешь до обеда, с предчувствием, что предстоит необычный день. Он принесёт что-то новое, неожиданное, что может изменить мою судьбу. И это не гребаные ЕГЭ, которые предстоит сдавать уже через несколько недель, и от результатов которых будет зависеть: тварь я безмозглая или право на вуз имею.

Я отрубил будильник – всё же это особенный день – и отправился в душ. Сognaв остатки сна под прохладными струями воды, я вылез из кабины, традиционно оставив лужу на кафеле, по поводу которой у матушки случался второй утренний ор. Я решил не портить нахлынувший этим утром позитив. Открыл шкафчик под раковиной, пальцами ноги подхватил тряпку из ведра и, пока вытирал полотенцем обросшую шевелюру на голове, ногой стал водить тряпкой по полу. Балерины, наверное, также принимают утренние ванны. Хотя те в шпагате ещё стекла кабины протёрли. Ха! Вторая шутка этого утра, несомненно, прекрасного дня.

В благом расположении духа я прошлёпал на кухню, где матушка колдовала у плиты. Я вдохнул тянущийся аромат: сегодня у нас на завтрак гренки.

На моё появление матушка никак не отреагировала. Впрочем, я по этому поводу не впечатлялся. Она часто была «в себе», «не в себе» или просто «в образе». Она частенько игнорировала меня, в очередной раз на что-нибудь надувшись. Поводов для этого было хоть отбавляй, но я никак не мог выстроить чёткую структуру: на какой из проступков приходился конкретный игнор. Или из-за того, что весь дым с тихушного перекура на балконе ветром принесло в форточку; или что я её подругу сравнил с Покемоном; или что создал в соцсети мероприятие «Выпускной до космической ужрачки», куда вступила почти вся параллель. Кроме ботаников и тихонь, которые ассоциировались у меня с маньяками. Никто ведь до конца не знает, что скрывается за прилежными до тошноты лицами.

Я грохнулся на своё место за столом, откинувшись спиной на холодильник так, чтобы надпись «Здесь был Вася» оказалась над плечом. Табуретка треснула, матушка чуть обернулась, но снова сконцентрировалась на сковородке, не проронив ни слова. Интересно, что её всё-таки так зацепило? Курево, Покемон или предстоящий некультурный event? Ладно, потом скажет. Или забудет и пойдёт, что меня больше устраивало.

Матушка тем временем выключила плиту, поправила хвостик каштановых волос, сняла фартук, подчеркивающий сохранившуюся фигуру. Горку гренок в глубокой тарелке она молча переставила на стол и вышла из кухни. Через пару секунд я услышал скрип двери в мою ком-

нату. Она что, решила проверить: не курил ли я до завтрака? Ну-ну, пусть проверяет. Хотя теперь появилось предположение – по какому поводу «образ».

Вставать за вилкой было лень, и я, подцепив пальцами гренку, вцепился в неё зубами. Такая же участь ждала двух горячих сестрёнок, которых я залил водой из графина, не удосужившись воспользоваться стаканом.

– Васька совсем обалдел... – в глубине квартиры жаловалась матушка моему отцу.

Узнавать подробности претензий и уж тем более выслушивать их не было ни малейшего желания. Сегодня необычный день, и нечего его портить всяким нытьём.

Одежда со вчерашнего дня осталась брошенной в гостиной. Я, стараясь не шуметь, обо-гнул угол в коридоре и проскочил в соседнюю дверь. Натянул штаны, носки, накиннул рубаху, не заморачиваясь с пуговицами, перекинул на плечо толстовку с капюшоном, захватил рюкзак, так удачно приземлившись в углу во время очередного полёта.

Матушка продолжала что-то бубнить. Чтобы не сбить её с мысли, я прихватил в прихожей ботинки, тихо отпёр дверь и выскользнул в подъезд.

Босиком спустился на полтора этажа, только после этого обулся, застегнул рубаху, напя-лил на себя толстовку и, забрав сигареты из тайника в соседском щитке, направился в школу.

Школа находилась в противоположном конце микрорайона, как сейчас говорят, – разви-вающегося. Это когда в клумбах пытаются прижить посаженные хитрыми рисунками цветы, которые активно разбирают бедные кавалеры и бабушки-дачники. Во дворах с красными лен-тами, музыкой и с делегацией чиновников открывают турники. Абы какой тротуар делят про-дольной полосой, с одной из них дорисовывая велик. И редкий магазинчик не мнит себя супер-маркетом, пытаясь конкурировать с красно-белыми и прочими сетевиками.

Это когда у стареньких пятиэтажек и панелек (в одной из которых жил я) как грибы рас-тут новые свечки с концептуальными названиями. Вдумайтесь, к примеру, – ЖК «Грибоедов». Дом как дом, с расчерченной парковкой, яркими качелями и новой скамейкой. Но на фасаде красуется профиль писателя, выполненный из чугуна. Вот уж точно «горе у ума». С таким же успехом можно было назвать Толстым, Чеховым, Достоевским. Хотя в последнем случае бабки поостереглись переезжать в новый дом, а к Родионам и Соням было бы повышенное внимание. Вот был бы приколы, если директором местного ТСЖ выбрали бы какую-нибудь Мармеладову. Ха-ха! Ещё шуточка на разминку.

Я шагал по «лоскутному» асфальту мимо новых и старых домов, жмурился от яркого весеннего солнца, пробивающегося через макушки домов, слушал весёлое чириканье птиц и был абсолютно счастлив. Несмотря на то, что сегодня только понедельник, а в скором будущем предстоит «самый ответственный период в школьной жизни», по поводу которого учителя, родители, заинтересованные лица и рядовые флудеры проели плешь за последние два года. Поскорее бы уже закончился этот «ответственный период» вместе с полубомбочным состоя-нием окружающих. Вот заберу свой аттестат, прибыю на стенке и буду метать в него дробинки после рабочего дня в качестве рядового менеджера или продавца-консультанта.

А что? Ко мне люди тянутся. Парень я высокий, где-то 180 сантиметров, нормального телосложения, с пышными светлыми волосами, хаотично принимающими свой расклад над бритыми висками и затылком. Мордаха вполне симпатичная. И вообще, как говорят девчонки, я сам секси, когда никого не достаю. Хорошее, кстати, качество: буду доставать покупателей, чтобы проще было прочапать на кассу – лишь бы я отвязался.

Впереди показалась школа, которая с нетерпением ожидала завершения моего «самого ответственного периода». У неё была старая типовая постройка с двумя этажами в одном

крыле, четырьмя – во втором, коридором-перемычкой, в окнах которого мелькали бантики, кофточки, портфели. Идти напрямик я не собирался, свернув за угол хозпостройки неподалёку, где не одно поколение школоты поддерживало статус курилки. Место было очень удобное, даже с щебёнкой под ногами. Единственный минус – тропинка рядом, по которой иногда появлялись пешеходы.

Я смачно затянулся, дал возможность лёгким почувствовать возбуждение и, как паровоз, выпустил белые клубы. Облако ещё не успело рассеяться, как на тропинке нарисовалась Гитлер.

Галину Геннадьевну Колмачёву, завуча по воспитательной работе, учителя физики и психолога в одном лице, весьма метко прозвали Гитлером до нас и продолжают называть после нас. Почему? Да потому, что если попасть к Гитлеру, то будет капут. То есть мозгопромывание для детей, родителей, страдание разными непоправимыми последствиями с кусанием локтей в порывах отчаяния и неминуемым наказанием. Это не походило на эмоционально истеричный в своей заботе призыв. Непреклонный тон и хрипца в голосе скорее готовили к расстрелу.

У Гитлера была военная выправка. Густые чёрные волосы подстрижены в ровное – до скулы – каре. На квадратном морщинистом лице косметика не ночевала. Завуч носила рубашки с галстуком. Неизменными были пиджак и юбка до колена со складками впереди. Чёрные носки тянулись над туфлями (все подозревали, что мужскими), плотно закрывая щиколотки. В руках строгий кожаный портфель.

Всю энергию Гитлер тратила на воспитание неразумных школьников. Женщина она одинокая: дома – ни мужика, ни ребёнка, ни котёнка. Котёнка, кстати, ей как-то дарили, чтобы ослабить внимание в стенах школы. Но ведь она его передарила, падла!

Я замер, боясь привлечь к себе внимание. Дым спрятанной за спиной сигареты сливался с зависшим над башкой облаком. С ужасом представив свою участь, я забыл, как дышать.

Гитлер военной походкой прошагала мимо, не обратив внимание ни на меня, ни на «нимб» надо мной. Когда она скрылась за углом нашей курилки, я радостно выдохнул, в две затяжки прикончил сигарету и полез за второй.

Вот так повезло – пронесло!

После перекура в приподнятом настроении я направился в школу, где – кто знает! – меня мог ждать сюрприз. К примеру, министерство образования выдало приказ ставить оценки не по результатам годовой успеваемости, а по результатам достигнутого организмом роста или за смазливую мордашу. А что? Мечты сбываются не только у «Газпрома».

Или вузы самостоятельно решили принимать перспективных парней и девчонок без единых экзаменов, просто по алфавиту. С фамилией «Авдеев» я точно был бы проходным. Или важные работодатели устроили отбор для воспитания новых кадров за большие деньги, и я стал пионером мегаперспективного проекта.

Мда, губу, конечно, раскатал. Хотя, что касается моих губ, то сейчас они были растянуты до самих ушей, и я ничего не мог с этим поделать.

В вестибюле я решил глянуть на себя в зеркало, чтобы оценить масштаб дурачко-счастливого отпечатка на фейсе, заодно урезонить беспокойную шевелюру. И... О чёрт! Как это понимать? В зеркале меня не было!

Я пялился в отражение. Вот массивные решётки, огораживающие раздевалку. Вот весёленькие зелёные шторы под потолком, чтобы школа не походила на тюрьму. По пятнистому полу первоклашки выплёскивали избыток энергии.

А меня – нет!

Я вплотную подошёл к зеркалу, смотря сквозь себя на решётки. решив, что это «глюк». Затем подошёл к другому. Эффект оказался тот же: решётки со шторками были на месте, мелкие продолжали носиться, а меня не было.

У следующего зеркала две подружки-оторвы, кажется, из 8 класса, малевали губы тёмно-синей помадой. Я подошёл к ним вплотную и заглянул каждой в глаза, скорчив морду лица. Ни одна из них и бровью не повела. Тогда я вернулся к охраннику – Димону Савельеву, выпускнику этой школы, оттрубившему в армии. Он чинно пил кофеёк, заглядываясь на девчонок постарше и игнорируя беспредел мелких.

Я наклонился, посмотрел ему в глаза, подул на кофе – бесполезняк! Моё присутствие оставалось вне зрительных частот окружающих. Что это значит? И тут я понял, в чём сюрприз. Этот день я могу прожить так, как захочу, причём, безнаказанно. Внутри засела твёрдая, как гвоздь, уверенность, что завтра всё вернётся на круги своя. Так какого лешего я теряю время?

Я невидим. Я свободен!

Хлопнув по дну кружки вверх, я пошёл совершать подвиги. Девчонки-восьмиклассницы оторвались от своих губ и засмеялись. Димон не понял, с чего вдруг взбеленился кофе, вынырнув фонтаном, и смущённо начал затирать пятно.

Глава 2. Свобода

Пока лафа не кончилась, я решил навестить наших прекрасных дам.

Сегодня я определённо был фортовым. Женская раздевалка у спортзала не пустовала, и здесь переодевались девчонки из параллельного класса. «Бэшки» отличались не только химбио-направлением, но и офигительными фигурами. Практически все перешли из спортивного класса, в котором их собрали после началки. Девчонки часто были в разъездах: играли за честь школы, района и города, области в волейбол и баскетбол, соревновались в плавании. Как следствие – высокие, подтянутые, в нужных местах бугристые тела. На них загляденье смотреть даже в «верхней» одежде. Что говорить, когда оставалось одно бельё.

Я с трудом подавил своё восхищенное «вау», не зная, услышат ли моё присутствие спортсменки, и с ещё большим трудом сдержал себя от соблазна пощупать то, что находилось под кружевами.

– Башка трещит не по-детски, – пожаловалась одна из спортсменок, натягивая спортивные шорты.

– Пила, что ли? – усмехнулась другая.

– Да нет, – поморщилась первая. – Мозг готов взорваться. Эти консультации уже задрали. Чувствую, скоро из черепа ядерный «гриб» рванёт.

– Ты чё стонешь-то? Как будто в первый раз, – вступила в разговор капитан и заводила команды Марьянка Васильева. – Но ты права: могли уже отстреляться. Какому идиоту пришло в голову перенести соревнования? Сейчас бы сумки паковали.

Марьянка была самая симпатичная и фигуристая из сборной. Я подошёл поближе и засопел прямо над её грудью, пожирая выпуклости глазами. В следующий момент я получил кружевами по носу. Капитанша щелчком расстегнула лифчик, обнажив упругие дыньки. Она нисколько не смущалась своей наготы (хотя такие формы грешно прятать и стыдиться), неспешно достала из сумки спортивный лифчик и спрятала под ним свои достоинства. Я зажал рот руками, чтобы смачно не отвесить комплимент.

– Такому идиоту, кто жаждет «грибов» над школьными головами, – усмехнулась первая.

– Да фиг с ней, с подготовкой. Лично меня бесит школьная дисциплина. Тренера на них нет, чтоб порядок навести.

– Ну да, – усмехнулась капитанша. – Один Васька-дурдом чего стоит.

Они засмеялись, а я покраснел. Я-то, наивный, думал, что девчонки за моей спиной обсуждают, какой я секси и симпатяшка, прикольный и всё такое. А оно – вот как получается.

Кличку я получил с лёгкой руки первой учительницы в далёком первом классе.

– Ваш мальчик – просто дурдом какой-то, – сетовала Клавдия Степановна, когда вызвала родителей через месяц после 1 сентября.

В тот раз я опрокинул шкаф. Пикантность ситуации заключалась в том, что обычный книжный монстр был прибит со стороны пола и стенки за ним, но гвозди не выдержали моего первого поцелуя с двоечницей Наташкой. Как сейчас помню: это была первая пылкая любовь, которую я хотел доказать на деле. Родителей пригласили для более тесного знакомства, подробно рассказав, как активно я провёл первый месяц на переменах.

Репутация «дурдома» за мной быстро закрепилась, и я тщательно поддерживал её.

Это я придумал выкидывать портфели из окон, чтобы не таскать тяжести на плечах. По дорожке вдоль 4-этажной части школы до сих пор редко кто ходит.

Это я начал на географии ставить глобус на парту, убедив всех, что зрительная память самая надёжная и с такой методикой можно смело сдавать любые экзамены без круглосуточ-

ной подготовки. И всё канало, пока учителька не засекала, как мы с соседом рубимся в карты. Сердито ткнув указательным пальцем в перемычку очков, она забрала и глобус, и колоду. Хотя последнее являлось частной собственностью, о чём я заявил на последующем педсовете.

Это я первым стащил пробирки из лаборантской вместе с бутылкой спирта, чтобы в туалете культурно выпить с пацанами и закусить семками. Бутылку возвращали, забирали вновь, пока содержимое не кончилось.

Это я устроил бокс с «козлом» на физкультуре и имитировал обморок. Обморок длился до скачков давления у педагогического состава и до звонка с урока. В общем, много было веселья.

Вся школа ждала, что я отчаю после 9-го класса, но матушка настояла на продолжении обучения. Мол, оценки в аттестате были бесспорно хороши, всего две «тройки», и по месту жительства мы относились к данному учебному заведению. В случае отказа решать вопрос предстояло через местное горно.

Руководство прикинуло, что в этом случае геморроя будет в разы больше, и коллектив, скрипя сердцем и зубами, согласился терпеть меня ещё два года. К счастью нас всех, времени оставалось немного. Я уже пообещал сдать информатику на сотку, порвать всех в местном университете, а в будущем изобрести свой «ойфунь», который принес бы мне славу и деньги. Вот тогда посмотрел, как запела бы родная школа.

– Да будет так, – с улыбкой соглашались учителя, добавляя: – Если тебя раньше не при-
бьют.

И вот сейчас судьба дала шанс устроить отрыв напоследок. Чтобы, так сказать, хорошенько запомниться.

Вдохновение распирало. Можно творить что угодно без последующего призыва к совести, благоразумности и прочей скукоты. В школе царила тишина, нарушаемая монотонными голосами учителей и редкими репликами учеников. Это после звонка пространство наполнится топотом, криками, смехом, и эхо будет гонять собравшийся гул по лестницам и коридорам.

Я давно понял, что в школе особенная акустика. Словно в пещере, где один вопль эхом будет повторён несколько раз.

Моя матушка тоже это заметила. Однажды она спускалась по лестнице на каблуках, стук которых превратился в канонаду. После этого установила свой дресс-код: в школу – только в обуви на мягкой подошве.

Я побежал на третий этаж, в кабинет физики, в царство Гитлера. После утреннего везения хотелось снова хапнуть адреналина.

Кабинет был открыт, из него доносились военные нотки «диктатора». Я заглянул: ученики притихли и с надеждой смотрели на круглый циферблат. Учитель ходила между рядами, сцепив руки в замок за спиной и переступая с пятки на носок. Голова гордо вздёрнута вверх, на носу линзы в толстой роговой оправе, напоминающие очки танкиста.

– ...Я подозреваю, что вы заняты своим любимым делом под названием «смотрю в книгу – вижу фигу», – нравоучительно говорила она. Школьники никак не отреагировали на старый как пень афоризм, наклонив скучающие лица над учебниками и тетрадями.

У Гитлера все уроки проходили по одной программе. Сначала общее промывание мозгов, направление на путь истинный, затем расстрел избранных у доски в соответствии с актуальным чёрным списком, прохождение новой темы и на десерт самостоятельная работа.

– ...А теперь проверим качество вашей подготовки к занятиям, – подтвердила мои предположения Гитлер.

Плечи и шеи потенциальных жертв стали тихо вжиматься в позвоночник. Надо было что-то делать, спасать положение.

Школьники внимательно уставились в учебники, боясь встретиться с Гитлером взглядом. Пользуясь моментом, я подскочил к доске, схватил мел и размашисто написал три известные с детского сада буквы. Но так, чтобы это смахивало на формулу: X, Y и z над N.

Первые смешки не заставили себя ждать. Класс ожил, ученики теперь смахивали на отважных пленных, устроивших саботаж в тылу врага. Гитлер посмотрела на доску, сняла роговую маску, достала из кармана мужской платок, протёрла им очки, вернула их на нос, – картинка не изменилась. Увидев растерянность на лице главной школьной грозы – может, впервые за всё время – школяры окончательно развеселились.

– Что это?... Кто это сделал?... – Гитлер с недоумением вглядываясь в моё творчество и на детей, вызвав новую бурю смеха.

Я подумал: нарисовать ли новую формулу со знаком «пи», но решил, что и этого будет достаточно.

– У нас в каждом классе есть камеры. Я ведь посмотрю и узнаю, кто это написал, – пригрозила учительница. – Можете заранее приглашать родителей в школу.

Ученики переглянулись и засмеялись сильнее.

После физики моё внимание зацепила приёмная директора. Я заглянул в святая святых, где возвышали гениев и изгоняли дьявола из непослушных. Оба кабинета – и секретарши, и директора – оказались пусты. Видимо, хозяйка приёмной, пользуясь отсутствием руководства, слиняла пить чай или к трудовику, оставив свой пост незапертым.

Я подошёл к столу Альбины (девушка она молоденькая, немногим старше нас, поэтому её отчеством мы никогда не заморачивались). Стол секретарши был чересчур прибранным: ни исчерканного листочка, ни завядших стикеров, ни разбросанных карандашей, крошек, следов от кружек. Даже отпечатков пальцев на блестящей поверхности – и тех не было! Как так можно жить и работать, словно в музее? Окружающие должны наглядно лицезреть твою бурную деятельность. Каждый день я это втолковываю матушке, заладившей, что мечтает увидеть дно у моего письменного стола. На что я каждый раз отвечаю, что ищу свою вершину.

Над всей этой идиллией пестрел, меняя формы парящих фигур, монитор. Я щёлкнул по «энтеру» и на экране возник вордовский файл. Перед тем, как уйти, Альбина печатала какую-то ерунду о предстоящем собрании. Скучная повестка дня заканчивалась очередным подпунктом «Проинформировать сотрудников о следующем». После двоеточия по всем законам жанра необходимо было перечислить, что именно донести до персонала.

Я почесал репу и дописал: «В обязанность сотрудников и учащихся вменяется трижды кланяться и трижды приседать, приветствуя директора. За нарушение предусмотрены дежурства вместо учеников 11 классов». Добавил число, место для подписи, распечатал и положил директору на стол.

Раз уж я сегодня невидимый и безнаказанный, можно было подумать и о мести. В школе два человека, которые откровенно бесили всех и даже друг друга. Иногда мне приходила в голову дурная мысль, что я мог бы замыкать тройку лидеров. Однако этот пессимизм я прогнал прочь: я ж просто весёлый и озорной. От моих шуток ещё никто не пострадал. Или я не помню этого, что автоматически приравнивается к вышеуказанному утверждению.

В параллельном классе училась зазноба Василиса Ветлинская. Младшая избалованная дочка богатых родителей, которые купили здоровенную квартиру в элитной новостройке, огороженной забором от остального нашего развивающегося района.

Василиса выглядела старше своих 18 лет и была хороша. Светлые волосы до плеча тщательно уложены, густая чёлка ровной чертой заканчивалась над бровями. Даже сильный ветер

не мог сотворить «гнездо» на её ухоженной голове. За состоянием симпатичного личика следил штат косметологов. Другой штат контролировал питание и фигуру. Её хоть и недолюбливали, но силуэтом восхищались. Полноватые грудь и бедра, между ними осиная талия и плоский живот. Обычно таких героинь рисуют в комиксах или мультяшных клипах, а тут – всё наяву. Все ученики, вплоть до сопляков из началки, а также их родители сворачивали шеи, засматриваясь на выпускницу.

У Василисы были манеры светской львицы и истинной леди. Каждый её наряд словно создан для обложки глянца. Платья и юбки на заказ всегда удачно подчеркивали прелести изгибов. Дизайнерские сумки подобраны точно в тон. В холодное время года верхняя одежда, в том числе шубки, вписывались в единый ансамбль остальному гардеробу.

Василиса предпочитала только высоченные тонюсенькие каблуки. Мы даже как-то поспорили: сколько в них сантиметров – двенадцать, пятнадцать или все двадцать? По нашим «лоскутным» дорогам в таких далеко не уйдёшь, но она и не ходила. Максимум от своего подъезда по брусчаточке до машины – отца или кавалеров – и до крыльца школы. Обратно тем же ходом.

В помещении она передвигалась мелкими шагами, как гейша, покачивая в такт задницей и каждой клеточкой ощущая прикованное к себе внимание. Она говорила негромко, с видом, что каждая высказанная мысль – почти культурное произведение. Иногда сдержанно улыбалась.

Настоящих подружек в школе у Василисы не было. Она позволяла общаться с собой двум одноклассницам, в чьих семьях также водились деньжата, что было видно по одежке.

Многие девчонки, особенно помладше, завидовали. Родители некоторых в месяц зарабатывали меньше очередного образа выпускницы. Кому не хотелось бы купаться в роскоши, ездить на самые дорогие курорты, выбирать самую дорогую одежду и вообще не считать деньги? И если бы не заносчивость богачки, к ней относились бы с уважением. Но она не скрывала брезгливость, оценивая с поклоном на одежду учеников и учителей, и явно демонстрировала, насколько она выше всего этого. За такое отношение Василису прозвали Лисой Васей. Моей, в общем, тёзкой, из-за чего я бесился.

Спрашивается, каким ветром такую цацу занесло в обычную среднюю школу? Ответ очевиден: в элитные гимназии принимали не только за деньги (или без них), а преимущественно за знания, с которыми у Василисы были проблемы. Это ж не тенденции в мире моды, новинки от кутюр и светская хроника. Это скучные предметы, которые приходится учить и даже зубрить. Гламурная душа была категорически против этого.

Впрочем, успеваемость и перспектива получить вместо аттестата справку её мало волновала: папа что-нибудь придумает. Так что на грозные замечания учителей «у вас в полугодии будет «двойка» отмахивалась: «не дай Бог». Подразумевая не оценку, а размер груди.

Пока все усиленно готовились к ЕГЭ, Лиса Вася готовилась к очередному волшебному отпуску. В школу она продолжала приходить как на показ мод, выводя своей надменностью и учеников, и учителей.

Вторым самым бесючим учеником был девятиклассник Колька Смородинов. Он был гадким, хотя и симпатичным малым. Его голубые глаза излучали открытость и невинность. Русые волосы подстрижены ниже ушей, длинная чёлка висела в районе скул, по форме как у Брэда Питта.

За ангельской внешностью скрывались бесовские мысли. Смородинов строил подянки и тем, кто младше, и тем, кто старше, не боясь, что ему могут накостылять. При его комплекции сутулого дрища ростом с девчонку накостылять мог и семиклассник. Но в опасных ситуациях Колька начинал атаковать словесно. Язык у него был хорошо подвешен – когда пахло жареным, он убедительно доказывал свою непричастность. Однако тут же начинал строить следующую пакость: подставлял людей, сталкивал лбами, создавал неловкие ситуации, прессовал слабаков. И всё это происходило исключительно прилюдно.

Однажды гада крепко побили «в воспитательных целях», так как прямой вины за ним не числилось. Синяки с ссадинами прошли, а с ними и дурные воспоминания. И началось всё заново.

Эту парочку терпеть не могла вся школа, и оба заслуживали наказания. Оставалось надеяться, что Василиса сегодня не прогуливала под благородным предлогом «мигрень», а Кольке не устроили показательную порку.

Я спустился на первый этаж. Убедился, что в зеркале по-прежнему отражались решётки с весёленькими шторками без моей шальной морды лица. Поднял палец вверх, увидев знак только с этой стороны, подмигнул сам себе и побежал в сторону расписания узнать, в каких кабинетах дислоцировались самые бесючие кадры.

Охранник пил очередную чашку кофе с молоком. Форма на груди после моей утренней выходки ещё не просохла. Я дождался, когда Димон начнёт поднимать кружку и, когда до губ оставалось полтора десятка сантиметров, снова хлопнул по дну вверх.

Кофе, как и в первый раз, сфонтанировал, покрыв предыдущее пятно. Мелкие школьники, повернувшиеся на всплеск, захихикали. Димон смачно выругался, от его тирады в трубочку свернулись не только детские уши, но и мои. Затем раскрыл окно и швырнул чашку на улицу. Кофе с молоком шлейфом тянулся из посуды, пока та звонко не шлёпнулась об асфальт.

Мелкие заворуженно наблюдали за полётом кружки до раскола.

– Нельзя так делать, – поучительно сказал мальчик. – Об осколки могут пораниться кошки, собаки или другие животные.

– Какие – другие? – рявкнул Димон. – Сфинкс?

– Может, сунс? – пацан, поправивший охранника, тут же вжал голову в плечи, готовясь к оплеухе.

– Вонючей падлы ещё не хватало! – сильнее разозлился Димон. – Ёканный бабай, за день-то такой?

На шум вышла уборщица баба Маруся. Удостоверившись, что её авторитетного вмешательства не требовалось, она направилась к звонку. Только потом посмотрела на электронные часы. До конца урока оставалась пара минут. Она махнула рукой и, не дожидаясь, когда на табло будет по нулям, нажала на кнопку. После выполненной миссии прошуршала в свою каморку.

Через 10 секунд коридоры стали наполняться победоносными криками, сопровождаемыми топотом «стада слонов», как обычно ругались учителя. Ураган нарастал, с его приближением было разумнее и безопаснее прижаться к стенке, чтобы свободолюбивое детское племя не сбило с ног. Доставалось тем, кто *наяву*, что ж говорить о невидимых.

Когда первая волна пронеслась в сторону столовой и выхода на улицу, я начал подниматься против шерсти, чтобы не пропустить бесючую парочку. Я ещё не знал, какой будет моя всеобщая мстя. Дельных мыслей не возникало, вся надежда была на импровизацию.

Я почти преодолел третий пролёт, когда среди толпы на втором этаже взгляд выхватил мини-юбку. Юбка хорошо сидела на подкаченных полушариях и открывала стройные ноги. Не отводя взгляд, я развернулся, чтобы сделать шаг назад и посмотреть, кому именно принадлежит это тело.

Моё любопытство привело к падению Василисы. Уже потом я сообразил, что, разворачиваясь, случайно пнул её по щиколоткам. Главная школьная цаца не удержалась на тонюсеньких шпильках. Ахнув, она шлёпнулась на задницу, чье состояние контролировал штат наёмных работников, и покатила вниз, как в детстве с горки.

Короткая кожаная юбка отлично скользила по старым ступенькам, приоткрыв ажурный верх чулок. Руки Лиса Вася согнула в локтях вверх, оттопырив наманикюренные пальцы. Ещё

она предусмотрительно поджала острые носки туфель, чтобы к испорченной репутации не добавились обломки ногтей и каблуков.

Второй этаж замер, наблюдая, как Василиса нелепо катится вниз. Следом за хозяйкой на каждую ступеньку плюхалась очередная дорогушая сумка. Я стоял вверху, зажав рот руками, чтобы не выдать своё присутствие неприлично громким смехом. Обтягивающую задницу я упустил, но это стоило получившегося шоу.

В первые ряды зрителей вышел Колька Смородинов. Его довольная улыбка растянулась до ушей. Ткнув пальцем в выпускницу, на хорошеньком лице которой застыл ужас, он приготовился заржать, как получил пендель. Я успел вовремя спуститься и вложил всю силу в удар.

От неожиданности Колька дёрнулся вперёд и смачно пустил газы. На его лице появилась та же гамма эмоций, как у Василисы – от растерянности до осознания ахтунга.

– Фуу, Смородина, – девчонки рядом театрально закрыли носы, – Да ты трендец не ягодами воняешь.

– Фууу! Фууу! – другие ученики также стали зажимать носы и размахивать руками, чтобы развеять ядовитое облако.

– Зашква-ар! – заорали мелкие.

Василиса поняла, что внимание переключилось на другого ученика, неловко поднялась и, крепко держась за перила, как старушки в гололёд, на негнущихся стала спускаться вниз. Дождаться машины, чтобы чинно проплыть к отполированной дверке, она не стала. Богачка неуклюже зашагала пешком по старому асфальту к своей элитной новостройке.

Колька тоже быстро испарился, а потом и дух после него.

Я был доволен собой: надо ж было так бинго разыграть!

Поющий живот напомнил о приближении обеда. Я отправился в школьную столовку, где независимо от меню пахло пюрешкой, капустой, котлетами с подливой и свежей выпечкой.

На кухне главная повариха тётя Зина что-то записывала в тетрадь. Она меня не видела, но все же насторожилась, интуитивно почувствовав, что сейчас появятся неучтенные расходы.

Я по-хозяйски прошёлся по шкафам, нашёл тарелку, положил щедрую порцию плова, заграбастал два компота и выбрал самую здоровую плюшку, только вынутую из печи. Сложив обед на поднос, я отправился на второй этаж в кабинет химии, у которого лаборантская выходила на массивный козырёк крыльца школы.

Молоденькая химичка Ксения Алексеевна вздрогнула, когда скрипнула дверь. Но потом расслабилась, решив, что гуляет сквозняк. Ей оставалось сделать пару последних затяжек, прежде чем отправить окурков в банку за окном. Я вежливо подождал, когда она докурит, помашет перед окном, выгоняя табачный дым, возьмёт мятную конфетку, поправит причёску перед зеркалом.

Когда с заметанием следов было покончено, химичка гордо расправила плечи и вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я с удовольствием наблюдал, как под пиджаком вздымалась грудь, под прямой юбкой до колена покачивались полноватые бедра, как гулко стучали высокие квадратные каблуки туфель с замочком на крепких ногах. Не женщина – мечта тестостерона.

Я протяжно вздохнул, глядя на закрывшуюся дверь, затем направился к окну. Стараясь не перевернуть поднос, вылез на козырёк.

Усевшись по-турецки, я приступил к трапезе, ощущая абсолютное счастье в своей свободе. В приближении «самого ответственного периода», когда синхронно дёргается глаз у учителей и учеников, я мог расслабиться, забить на дрессировку к экзаменам, и сопутствующую нервотрёпку. О таком только мечтать можно!

Я допивал второй компот под беззаботную визготню младшеклассников и думал о том, чем ещё заняться, пользуясь появившейся способностью. Ведь этот день надо прожить так, чтобы он запомнился на всю жизнь.

Высыпав изюм со дна стакана в рот, я чуть не подавился. Вот ведь балбес! Совсем забыл о встрече с Дашкой!

Дашка Александровская – цыпа из 10-го класса с внешностью доброй сказочной феи. У неё голубые глаза, пышные светлые волосы, чуть вздернутый носик, улыбка сердечком и такая же, сказочно-прекрасная фигура.

Дашка не была недотрогой, не вела себя как заносчивая хозяйка царских палатей, однако по негласному правилу к ней был особый подход. В старые времена за таких девушек сражались богатыри и рыцари. Из-за них совершали отчаянные поступки, чтобы добиться хоть какого-то знака внимания – заинтересованный взгляд, улыбку, обронённый платок как повод заговорить.

Лучшая Дашкина подружка – её одноклассница Танька Холмакова – была полной противоположностью. Вместе они были как ангел и бес – и по внешности, и по характеру. У Таньки чёрные короткие волосы, каждый день с разным стайлом. Чёрные брови, родинка возле красивых губ, обмазанных непременно тёмной помадой.

В отличие от неземной Александровской Холмакова была язвой до кончиков ногтей. Она везде видела подвох и злые умыслы, своим скепсисом отпугивала желающих с ней замутить. В итоге, несмотря на хорошенькую мордашку, оставалась свободной и невостребованной.

С Дашкой и Танькой я познакомился на информатике, когда принёс в кабинет тетрадь со своими «хвостами». Учителю попросила помочь девочкам. И я, компьютерный гений, профессор гейма, поступил как истинный джентльмен. Так мы познакомились и, как воспитанные люди, в дальнейшем здоровались при встречах.

И вот первое официальное randevu и моё «динамо». К нашей скамейке я добежал с опозданием почти на час, когда подружки уходили в сторону парка.

Я услышал, как язва Танька сказала Дашке:

– Надо тебе нормального парня найти, а не этого балбеса: то мозгов нет, то самого.

Дашка что-то тихо ответила. Я решил пока не вмешиваться: ещё будет возможность взять реванш.

Чтобы сгладить обиду, я гулял, дурачился, разыгрывал прохожих до полного счастья от бесцельной и бесполезной траты времени.

Домой вернулся уже поздненько. Я приставил большой палец к замочной скважине и по нему загнал ключ, бесшумно открыв дверь.

С кухни шли умопомрачительные запахи готовых котлет и жаренной со шкварками картошки. Мясистые помидоры замешаны с кольцами лука и со сметаной. Судя по объемам еды, родители уже поужинали.

Матушка продолжала возиться на кухне. Она чуть повернулась в мою сторону, но снова вернулась к своим посудным делам. В общем, вела себя как обычно – невеста на что обидевшаяся, в вечном образе.

Я прошмыгнул в свою комнату незамеченным. Раздевшись, бросил вещи вглубь шкафа. По коридору слышались тихие шаги до гостиной, а затем – нытьё матушки по поводу меня, моей безответственности и бессовестности. Батя, как обычно, слушал, уткнувшись в телевизор, изредка вставляя междометия и красноречивые обороты, смысл которых сводился к ремню и ушам.

На меня подобные разговоры навевали тоску, так что я, пользуясь отсутствием матушки на кухне, прошуршал к картофану, котлетосам, помидоркам с жижкой.

Наевшись прямо из общей посуды, я закинул ложку с вилкой в раковину, рядом оставив грязный стакан. Прихватив с собой пару пряников, потихоньку вернулся в свою комнату.

Растянувшись звездочкой на кровати, я зашёл во «вконтактную» школьную беседу, где было живое обсуждение сегодняшних новостей. Ученики вовсю глумились, делая мемы на бесую парочку. И ведь ни одна падла не вспомнила, что меня сегодня не было! Даже лучший друг Макс Воронцов не удосужился черкнуть пару строк в личку, хотя в сети присутствовал.

Я зашёл на страничку Дашки Александровской. Вздохнул над фото в профиле, где она задумчиво смотрела куда-то в прекрасное будущее. На её «стене» были стародавние записи без новых комментариев.

– Подожди, девочка, и я вернусь, – я погладил экран смартфона, которое украсила моя принцесса.

Затем я перешёл на страницу Таньки, мечтавшей стать популярной блогершей и зарабатывать постами громадные деньги. Уже сейчас она активно спамила своими постами по поводу и без него. Выставляла фотки, стыренные умные мысли других людей и язвительные – свои.

По фоткам я проследил их дальнейший день. Селфи в кустах выглядело невинно, и я хотел было его пролистать, но решил посмотреть всю галерею. Танька, конечно, девка дурная, могла десяток «себяшечек» выложить – в одну сторону глазки закатить, в другую, губки бантиком сложить.

Типичная фотосессия кисуни заканчивалась кадрами в компании Мишки Гордеева и Егора Битнева из 11 «а», и я напрягся. Друзья пользовались популярностью у девчонок.

Мишка давно попрощался с комплекцией подростка и перерос почти всех сверстников, включая меня. У него были волосы ниже плеч, внешность и манеры романтика. Он не заигрывал с девчонками, но они как пчёлки кружили вокруг него: угощали конфетами, делились новостями своей жизни, прикольными картинками и видосами, напоминали о дополнительных занятиях и заданиях, предлагали списать.

Когда на очередной психологической промывке Мишка заявил, что любит свою семью и ему комфортно дома, пропесочивание «шнурков» заметно сократилось. Некоторые даже стали выставлять в соцсетях фото своих предков – мол, какие они красивые и классные. И, конечно, прибавилось желающих побывать в его крепости, где хорошо отдыхать душой и телом. Периодически Мишка позволял оценить свой комфорт и прочие достоинства. И делал это, как бы сказать, с ленцой, не напрягаясь. Хотя другим приходилось изрядно попотеть, чтобы обратить на себя внимание и тем более затащить девчонку домой.

Его лучший друг Егор был невысоким, упитанным пацаном. Каждый месяц он менял причёску, выбривая замысловатые рисунки на затылке и висках. В целом он парень умный, весёлый, напористый и очень ушлый.

У него вечно была тонна идей на сегодняшний день и вообще по жизни. Где учиться, как пробиться, когда праздновать первый заработанный миллион и должность «генерала». В том, что он станет генеральным директором, известным политиком или добьётся успеха в другой сфере, – никто не сомневался.

Егор мог работать как электростанция. Его энергией накрывало всех окружающих. Девчонки обычно стрелялись от его неумного натиска, хотя некоторые старались оставаться в близком окружении: ведь рядом с таким не пропадёшь.

И вот с этими друзьями весело проводили время Дашка и Танька. Мишка пленил своим равнодушным спокойствием, Егор захлёстывал энергией. У моей принцессы появились игристые искорки в глазах, её селфанутая подружка была в отрыве.

«Надо нормального парня тебе найти, а не этого балбеса: то мозгов нет, то самого», – вспомнил я слова Таньки. Что ж, и полдня не прошло.

Если Дашка раньше и была равнодушна к этим двоим, то сейчас её шансы были как у мухи, запутавшейся в паутине с мёдом. Немногим удавалось выбраться: если один своими бар-

хатными манерами не очарует, то второй точно уболтает. И альтернативы, то есть меня, рядом нет. В таком виде, точнее, отсутствии его, не покажешься. Чёрт, обидно-то как! Ну ничего, утро вечера мудренее. Завтра с новыми силами и отдохнувшим от созерцаний телом в бой!

На этой позитивной ноте я отрубился, однако толком поспать мне в ту ночь не удалось.

Мне снился прекрасный сон. Я был с Дашкой, потом с капитаншей Марьянкой, потом – не при ночи помянутой – Василисой. Я только начал рассматривать гитарообразную фигуру Лисы Васи, как в глаза ударил свет люстры под потолком.

В комнату вошли двое в полицейской форме, ещё один в пятнистом камуфляже, матушка следом. При холодном ярком свете её лицо казалось серым, с мешками под глазами. Она сильно волновалась и, кажется, не знала, куда деть руки: то скрещивала их на груди, то обнимала своё сухощавое тело, на которое была накинута шаль. Никто не обращал на меня внимание.

– Вы уверены, что он пропал, а не загулял или сбежал? – спросил один из полицейских – постарше. – Как у него сейчас с поведением?

– Да как всегда. Был шалопай и шалопаем остаётся. Вы же сами всё знаете, Борис Степанович, – голос матушки дрогнул, и она сильнее закуталась в шаль.

– В том-то и дело, что знаю, – вздохнул участковый.

Я сел на кровати и потёр глаза. Япона мама! Точнее, моя мама решила вызвать полицейских по мою душу. Во дела!

– ...вы не представляете, как я переживаю. Безалаберный, никаких нервов на него не хватает, – матушка всхлинула. – Может, устроил веселье, – на последнем слове она истерично взвизгнула, но быстро взяла себя в руки и с немой мольбой посмотрела на участкового.

Борис Степанович задумчиво потёр пальцами подбородок. Второй в форме – помоложе – оглядывался в комнате. Пятнистый смотрел мои фото в рамках на столе.

– А когда у него было последнее веселье? – спросил участковый.

– Так в субботу, гадёныш, где-то нажрался. Где только умудрился – ума не приложу, – начала ворчать матушка. – И ведь нельзя продавать спиртное несовершеннолетним, по закону.

Участковый ухмыльнулся:

– Кто ищет – тот всегда найдёт. Молодёжь нынче предприимчивая, а торговля не брезгует подобной выручкой.

– Штрафовать их надо.

– Штрафуем, – вздохнул участковый. – Но прибыль, видать, всё покрывает.

Борис Степанович уставился в пустое место, кем я сейчас являлся. Второй в форме перебирал мой завал на столе. Пятнистый держал фото и что-то искал в своём телефоне.

– Вы ведь его найдёте? – робко спросила мать. – Вдруг что случилось? Мне иногда кажется... вы только не смейтесь... что по квартире Васькина душа ходит. Вот прямо чувствую его... Говорят, так бывает, когда человека уже нет на этом свете...

– Успокойтесь, мамаша, – участковый подошёл к ней и легонько пожал кисть руки. – Это всё волнение, нервы. Они ж молодые, не соображают, каково родителям места себе не находить из-за неведения.

– Найдёшь тут, – всхлинула матушка. – На выходных ночь неизвестно где провёл, сегодня вообще не появлялся. И сейчас – где его черти носят?

Пятнистый слегка откашлялся:

– Думаю, что всё в порядке с вашим сыном, – он поднёс свой телефон к матушке и участковому. – Видите?

Те недоумевающе уставились на экран.

– Это страница вашего Василия в соцсетях, – пояснил пятнистый. – А это время, когда он заходил в последний раз. Несколько часов назад.

– Ну вот, я ж говорю, что всё образумится, – приободрил матушку участковый.
– А если это не Васька заходил, а кто-то другой с его телефона? – не унималась та.
– Будем надеяться, что Васька, – попытался успокоить пятнистый. – Я фотографию его заберу для наших поисковиков. Постараемся помочь, найти.
– Фотографию для поисковиков... – повторила матушка. – Как же всё серьёзно. Чтобы, заглушить очередной приступ, участковый увёл разговор в другую сторону.
– Вы сказали, что в субботу он пьяный пришёл.
Матушка кивнула, вновь насупившись.
– С кем-то из своих гулял или новая компания появилась?
– Да Бог его знает, – пожала она плечами. – Вырастили общительного, мучаемся теперь. Но точно не с другом Максимом. Я звонила к ним, мы с теми родителями всегда на связи...
Я чуть не подскочил: вот это новости! За нашими спинами, значит, целый заговор?
– ...они на даче были, а наш невесть где шлялся. Явился только часа в три, никакохонек.
– Что-то говорил? Где, с кем был?
– Ерунду какую-то болтал, – сморщилась она, вспоминая. – Всё бубнил что-то похожее на «кишка», «ишак», «шкура», «пещера»...
Я не выдержал издевательства и поправил:
– Эщкере.
Кажется, я сказал это одними губами, но матушка уловила звук.
– Вот видите? Говорю же: дух его бродит по квартире, а самого нет, – и мать, зарыдав в голос, вышла из комнаты.

Глава 3. Эщкере

От воспоминания проведенной субботы, точнее, прослойки-ночи между двумя выходными, вновь закружилась голова и тело почувствовало невесомость. Как будто я летел вниз на американских горках, умудряясь в полёте крутиться как спиннер. Вестибулярный аппарат вспомнил пережитое земное притяжение, противостоять которому могли только инопланетяне. Чё говорить – устроили тогда славный отрыв.

Я давно заметил, что спонтанные party получаются самыми обезбашенными. Конечно, если разум в состоянии поглотить всё пережитое и представить утром подробный отчёт.

После последней тусы в памяти остались обрывочные фрагменты. В последующие дни память добавляла кусочки мозаики, но как-то слишком дозировано – как горькую пилюлю в бронхит или сладкую витаминку по утрам. Целиком картина пока не складывалась, но в душе было стойкое убеждение, что эта ночь была особенной. Хотя бы потому, что именно тогда я замутил с Дашкой.

В субботу я бесцельно болтался по улице. Лучшего друга Макса Воронцова предки загребли на дачу, чтобы все выходные нещадно эксплуатировать. Других знакомых, похоже, ждала та же участь. Долгожданный выходной мог превратиться в самый тоскливый на неделе день.

Когда я практически смирился с неизбежным, увидел скучающих подружек – Таньку Холмакову и Дашку Александровскую. Танька была в яркой водолазке под бежевым плащом, короткой юбке, полосатых колготках, туфлях на толстенной подошве. Волосы над затылком в эту субботу были призывно закручены вверх. Я с трудом удержался, чтобы не запустить в них пятерню, прижать к себе, попробовать томную помаду на вкус и забрать жвачку, из которой она щёлкала пузыри.

Хотя зачем мне эта ведьма, если есть Дашка. Она как всегда была прекрасна. Ореол светлых волос подчёркивал сказочную красоту. Дашка была в короткой кожаной курточке, футболке с поперечными замками, свободных брючках по щиколотку, чёрных кроссовках.

Девчонки наслаждались погодой, жмурились под лучами солнца и поглядывали по сторонам. Видимо, тоже поняли, что сегодня все вымерли.

– Привет загорающим! – я весело поприветствовал подружек.

Танька открыла рот, собираясь сказать какую-нибудь гадость, а Дашка улыбнулась:

– Привет, – и неожиданно для меня добавила: – Присоединишься?

Подруга усмехнулась.

– С удовольствием. Каникулы близко, а я до сих пор бледно-синий, – шутканул я. – Как вообще дела? – подмигнул Таньке, чтобы она не чувствовала себя лишней.

– Пока не поддала, – огрызнулась она.

– А это, кстати, можно устроить, – я очаровательно – как мне казалось – улыбнулся.

– Да ладно, – засмущалась Дашка. – Мы пошутили.

– Вообще-то нет, – уже без усмешки добавила Танька.

– Не депрессуй, всё будет, – без тени сомнения ответил я.

Вызов был брошен, процесс пошёл. Вселенная, чувствуя наши намерения, начала ворошить своей тушей, чтобы добыть обстоятельства для задуманного. Мы беззаботно болтали о погоде, школе, периодически возвращаясь к теме спонтанной вечеринки. Точнее, его обсуждали я и Танька, Дашка лишь улыбалась солнцу, мысленно оставаясь в своём сказочном мире.

Тем временем шестерёнки моих мозгов обдумывали дальнейший план действий: где и что будем пить. В кармане лежала две припасённые тысячи, ещё мелочью набралось бы рублей двести-триста. С подготовкой к экзаменам и торжественному прощанию со школой матушка потеряла счёт сдаваемым деньгам на ручки, дополнительные консультации, альбомы, цветы, ленты выпускников, кафе и прочие расходы.

Мы болтали, когда на горизонте замаячил Лось. Свою кличку он получил из-за долговязости, тормознутости, а также из-за фамилии Лосев под именем Леонид.

Несмотря на свою тугодумность, Лось имел козырные преимущества, благодаря которым его никогда не чморили. Его родаки часто куда-то уезжали, оставляя сына без нянек (взрослый ведь). Они постоянно ставили домашнее вино в здоровенные бутылки, часть которого не без помощи «испарялась». Отец у Лося – особенно зачётный. Втихаря от матери он попивал. То есть и при матери употреблял, и за глаза догонялся. Как следствие – по всей квартире были рассованы заначки полных и початых бутылок.

Лось как-то обнаружил один из стратегических запасов и перепрятал. Отец несколько дней ходил загадочно-покладистым, активно приставая к матери. Та даже неладное заподозрила: или нажрался водки, или нажрался «виагры».

Батяня тоже не мог разобрать чувств жены. Если обнаружила заначку, то чего не наорала, полотенцем не отхлестала? Чудно, однако. Потом, видимо, решил, что сам выпил и забыл об этом.

Так Лось получил доступ к отцовским «погребам», периодически устраивая шмон по потайным местам и распивая обнаруженный клад с лихо собирающимися компаниями.

Сцена между предками повторялась: мать с отцом искали подвох в поведении друг друга, но решающего разговора никто не начинал. Самое главное, что сын всегда оставался вне подозрений.

Стоит ли говорить, что он был бесценным в своей находчивости и запасливости, и сейчас он направлялся в нашу сторону. Короче, вселенная повернулась ко мне передом.

– Эй, Лось! – позвал я и свистнул.

Он насторожился аки зверь в лесу, которого спугнул хруст веток. Затем повернул голову на своей тощей шее, прикреплённой к сутулому телу, увидел девчонок и, радостно скалясь, направился к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.